

Городня

После Завидово природа преобразается. Появляются озера, реки, леса, а главное – открываются бесконечные волжские просторы. Во всякую погоду здесь красиво, в любое время года. Волга в этом месте разливается, образуя Иваньковское водохранилище. Сюда впадают множество рек, речек и речушек. А какие названия! Вот у города Конаково течёт какой-то Сучёк, чуть выше, на север, – речка Бабенка, а повыше Бабенки протекает еще одна речушка – Чернавка, она впадает в речку Сосца; эта Сосца впадает в реку Созь, и уже та, собрав всех, – в Волгу. А с другой, западной, стороны водохранилища речка Литожица впадает в Шошу, а Шоша, объединившись с Ламой, уже вдвоем впадают в Волгу.

Вдоль дороги стоят многочисленные торговцы. Они развешивают рыбу на специальных подставках, чтобы проезжающим было лучше видно. Какая рыба? Судак, щука, лещ, плотва, окунь. Свежий осетр, который тоже висит рядом, здесь не водится, но его, видимо, кто-то поставляет. Рыба обычно трех видов: свежая, копченая и вяленая. Особенно много её у поселка Радченко. Холодно, моросит дождь, и, чтобы согреться, торговцы жгут костры. Товара гораздо больше, чем покупателей, поэтому стоять приходится с утра до позднего вечера. Удовольствия в этом мало.

Современная трасса обходит Городню немного стороной. Когда-то, давным-давно, на месте этого села стоял город Вертязин. Но в XV веке, когда Тверь была покорена Москвою, город этот стал селом Городней. «Отметился» здесь и Иван Грозный. В 1569 году он учинил кровавую расправу: село разорил, а многих жителей перебил...

Из всех построек, которые видели Радищев и Пушкин в Городне, сохранились лишь старинная церковь Рождества Богородицы да бывший постоялый двор, в котором некогда останавливалась Екатерина Вторая. На этом же дворе меняли лошадей наши путешественники. Сейчас здесь размещается местная участковая больница.

Церковь в Городне небольшая, но ухоженная, опрятная. Кресты и купол покрыты золотом. Колокольня высокая с открытой папертью под ней, завершенная шатром со слухами, наподобие колоколен московских церквей XVII века. Небольшой купол на колокольне тоже золоченый. Ограда вокруг церкви солидная, с узорчатыми решетками, все свежевыкрашено, ворота блестят, и на них имеется свой маленький золоченый куполок. Всё в одном стиле, в одних тонах, словом, очень красиво. И внутри тоже все подстать. Стоит церковь на высоком берегу Волги, поэтому видна издалека. А уж история у неё такая, что и специальной книги будет мало, чтобы всю изложить. Считается, что это единственная уцелевшая постройка некогда могущественного Тверского княжества. Известно также, что храм Рождества Богородицы получил молитвенное благословение от преподобного Сергия Радонежского, который искал спасения здесь после нашествия Тохтамыша на Москву. И еще много имен связано с этой церковью.

Когда я в неё вошел, там были только старушки. Тихо стояли и молились. Рядом с церковью – небольшое кладбище, где на самом почетном месте похоронены солдаты, погибшие во время Великой Отечественной войны. Им поставлен небольшой памятник – склонивший голову и опустивший знамя воин. За могилой и памятником сельчане с любовью ухаживают.

Где-то здесь, в самом центре села, Радищев мог быть свидетелем описанной им картины:

**«Въезжая в сию деревню,
не стихотворческим пением слух
мой был ударяем, но
пронзающим сердца воплем**

жен, детей и старцев. Встав из моей кибитки, отпустил я ее к почтовому двору, любопытствуя узнать причину приметного на улице смятения.

Подошел к одной куче, узнал я, что рекрутский набор был причиною рыдания и слез многих толпящихся. Из многих селений казенных и помещичьих сошлись отправляемые на отдачу рекруты. В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила:

“Любезное мое дитяtko, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительский? Поля наши порастут травкою, мхом наша хижина. Я, бедная престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя? Кто напоит меня и накормит? Да все то не столь сердцу тягостно; кто закроет мои очи при издыхании? Кто примет мое родительское благословение? Кто тело предаст общей нашей матери - сырой земле? Кто придет вспомянуть меня над могилою? Не канет на нее твоя горячая слеза; не будет мне отрады той...”»

Напротив церкви расположен сельский магазин с единственным продавцом – Ириной. Она же здесь и заведующая, и уборщица. В руках у Ирины книга о Пречистой Деве Марии. Покупателей мало. В Городне если что-то и покупают, то только самое необходимое. В основном хлеб, которого берут помногу. Спрашиваю о Радищеве и Пушкине. Ирина сразу же советует идти в больницу и разыскать там детского врача Галину Степановну. Направляюсь туда.

Бывший екатерининский путевой двор представляет собой небольшую замкнутую территорию с двухэтажным обветшалым зданием, в котором и расположена больница; слева от него, в бывшей столовой двора, находится котельная; справа, в бывших конюшнях, – детское отделение. Весь этот комплекс, с входящим в него двором, огражден сохранившимся в некоторых местах кирпичным забором – свидетельством былой роскоши. На стене у входа в здание висит мемориальная табличка:

Выдающийся революционер,
писатель и философ
Александр Николаевич Радищев
в январе 1775 года посетил село Городню.
Впечатления об этом отражены в книге
"Путешествие из Петербурга в Москву".

Девушки-медсестры на мой вопрос о Пушкине и Радищеве, также как и продавец Ирина, порекомендовали встретиться с Галиной Степановной, заместителем главного врача, педиатром, которая, как мне сказали, «все у нас знает». Через несколько минут я уже разговаривал с худощавой светло-волосой женщиной лет пятидесяти на вид, очень подвижной и энергичной.

Кабинет Галины
Степановны

находится там, где некогда была конюшня. Светлая просторная комната с печкой. В комнате два стола, стулья, больничная кушетка, весы для новорожденных, на стенах развешаны детские рисунки – все как в обычной сельской клинике, как десять, двадцать, тридцать лет назад... Вдоль окон кабинета проходит «пушкинская тропинка», по которой Александр Сергеевич выходил на берег Волги, а прямо перед окном – колодец, из которого он пил воду. Жители окрестных домов благополучно пользуются им до сих пор.

Галина Степановна приехала в Городню пять лет назад с одной лишь сумкой. До этого жила где-то в Якутии. Из рассказанного я понял, что для Галины Степановны «другая жизнь» началась со смерти мужа. В той, прежней, жизни, по ее словам, она имела все: семью, детей, квартиру, хорошую работу, высокую зарплату, почет и уважение. Была

перспектива, строились планы, вынашивались мечты, словом, как у всех благополучных людей. Но внезапно случилась беда, и, скорее всего, не одна. Благополучие в одночасье лопнуло, перспективы исчезли, мечты растворились, а сама Галина Степановна очутилась здесь, в Городне. Одна. Надо было все начинать с начала.

– Я теперь готова ко всему, – очень быстро, как бы защищаясь, говорит Галина Степановна, – и считаю, что ту жизнь, в которой живем, мы сами заслужили. Теперь нужно и самой выживать, и помогать выживать другим. Это, я считаю, и есть христианство. Раз у нас есть земля, есть руки, голова – значит, мы с голоду не умрем... Тут нам однажды привезли гуманитарную помощь: какие-то консервы, печенье, кофе... Я все время удивлялась: почему? Что, у нас нет земли, нет рук, чтобы держать скот, пахать, выращивать урожай, строить дома?.. Почему это Россия опустилась до гуманитарной помощи? Почему такое с нами случилось? Как это произошло?..

Вопросы эти Галина Степановна задает, скорее всего, не себе. Очутившись в неведомом месте, за тысячи километров от привычной и родной среды, без близких, без друзей, да еще в такое время, когда ломаются все привычные представления и убеждения, а жестокие колеса повседневности перемалывают даже самых крепких, она главные вопросы для себя решила. При этом не сломалась. Предвидя трудности «переходного периода», Галина Степановна не сидела сложа руки, а поступала в соответствии с совестью и законами рыночной экономики: вкладывала каждый накопленный рубль в себя, в свое образование. Будучи врачом, она знала, что для уверенности в будущем необходимы дополнительные знания, и потому сумела закончить специальные курсы в Твери, которые помогли ей существенно повысить квалификацию.

– Я теперь знаю, что при любых условиях смогу прожить сама. Разве можно позволить себе надеяться на наше государство? Я – человек! И, имея разум, должна думать о своем будущем. Кроме основной работы, я обрабатываю еще кусок земли. Здесь у меня есть огород, небольшой садик, и я с него кормлюсь. Вот сейчас немного чеснока продала, двадцать луковиц...

Главная забота Галины Степановны – беспризорные дети. Впрочем, не совсем они беспризорные. Здесь нечто другое. В селе есть дети алкоголиков, которые попросту заброшены, и никому до них нет дела. Галина Степановна говорит, что они с такими дикими глазами ходят, как дебилы, и их за людей, в общем-то, не считали.

– Мне было непонятно, – продолжала Галина Степановна, – как это так? Ведь на самом деле эти дети очень хорошие. И подготовлены к жизни гораздо лучше, чем дети из благополучных семей, потому что видели нищету и голод. Они работают и, чтобы заработать на кусок хлеба, ходят к соседям, пропалывают огороды, еще что-то делают. Они не надеются на папу с мамой.

Один пятилетний мальчик пожаловался однажды Галине Степановне, что те деньги, которые государство выделяет родителям в качестве компенсации – их здесь называют «детскими», – они тут же пропивают, а ему не дают даже хлеба. И таких детей оказалось немало. И не только в Городне. Сумма такой компенсации на то время, когда мы пишем эти строки, составляет 52-54 тыс. рублей в месяц за одного ребенка. Это чуть меньше десяти долларов. Кажется, совсем немного, но ведь чем больше детей – тем больше и сумма. Эта простая арифметика приводит к тому, что все большее число родителей заводят детей с единственной целью – получать за них пособия. Так, едва родившись, младенцы становятся кормильцами у взрослых. Это еще один наш парадокс! Что же делать с этим?!

Галина Степановна обращалась в сельсовет, в другие официальные госучреждения. За несколько лет государство в лице сельсовета выделило ей аж десять тысяч рублей: «на помощь одиноким детям». Тогда она пошла в церковь. А куда еще идти?

– Я подошла сначала к матушке и рассказала ей о том, что у нас есть такие хорошие и добрые детки, но ходят раздетые, босиком... Матушка захотела убедиться, правду ли я говорю. И мы с нею зашли в такие вот семьи алкоголиков. Матушка посмотрела детям в глаза, увидела, какие они добрые, хорошие, и поняла, что их надо спасать. И сейчас одиннадцать детишек из этих семей определены в церковно-приходскую школу. Батюшка договорился, чтобы их ежедневно в школу возил автобус. Учительница у них хорошая, молодая. Два раза

мы их кормим. Перед едой они читают *Отче наш*, а после еды благодарят Господа. В перерыве занятий забегают в церковь и смотрят, как служат, как венчаются, как отпевают...

В это время в кабинет заглянул черноглазый мальчуган лет шести. Увидав меня, сразу исчез. Это еще один воспитанник, которого Галина Степановна недавно приютила в больнице.

– ...Вот, пожалуйста. Это Георгий. Отец с матерью сидят в тюрьме за воровство, а он попал ко мне с абсцессом бедра и температурой сорок градусов. Позвонила в Конаково, в районную больницу, дескать, ребенок серьезно болен, температура сорок... А они отвечают, что лечить нечем. Нет лекарств. Куда идти за помощью? Опять в церковь, к батюшке. Батюшка дал двадцать тысяч рублей, я купила новокаин и пенициллин, положила мальчика сюда в больницу и вылечила. А батюшка говорит: «*Веди его в нашу школу*». Так что сейчас он у нас ученик. Купили ему портфель, учебники, школьные принадлежности. Вожу его третий месяц в нашу школу, а вечерами занимаемся с ним. Он ожил, стал нормально разговаривать. Хороший, добрый мальчик...

Георгий, постояв какое-то время за дверью, решился войти в кабинет. Он подошел и встал рядом с Галиной Степановной. Ему оказалось восемь лет. Он был одет в старенькую выцветшую фланелевую рубашку и в столь же выцветшие голубые штаны. На ногах его были белые девичьи сандалии, а в руках он держал две сушки, которыми его угостил кто-то из взрослых. Говорил мальчик очень плохо, и трудно было понять, что именно он произнес. Галина Степановна объяснила, что еще пару месяцев назад было много хуже.

– Я даже не стану говорить о том, что пережил этот мальчик, – говорит Галина Степановна. – И он ведь не один такой у нас.

Отправив Георгия погулять, она рассказала о том, как в больницу пришел мужчина, лет семидесяти на вид, весь грязный, оборванный, пропитый, и стал грозить, что сейчас же покончит с собой. А дело в том, что у него только что дома родила жена, и в доме нет даже куска хлеба, изба не топлена, а кроме новорожденного есть, оказывается, еще двое маленьких детей.

– Я пошла к ним и увидела такой кошмар! Немедленно увезла эту несчастную мать в роддом. Стала следить за этой семьей, пыталась отучить от пьянки, молилась за них. И вот, с Божьей помощью, нашлась одна женщина... Однажды пришел ко мне корреспондент писать какой-то очерк. Я им рассказала о беде, и в «Тверских вестях» появилась заметка об этой несчастной семье. Вскоре откликнулась пожилая женщина, пенсионерка. И вот уже три года она им безвозмездно помогает. Семья эта постепенно встала на ноги, мать устроилась куда-то на работу, не пьют, а тому младенцу уже три с половиной года. Старшенькие же двое – ходят в нашу церковно-приходскую школу.

Когда проходишь по коридорам и лестницам бывшего екатерининского постоялого двора, невольно возникает вопрос: как в таких условиях удастся лечить людей?

Галина Степановна отвечает, не задумываясь:

– С Божьей помощью. Я на себя ничего не беру. Можете считать меня сумасшедшей, но, если надо решить проблему, я говорю: *«Господи! Помоги мне, Ты же все можешь!»* И Господь помогает. Вот я вчера слегла, а у меня нет ни одного кочегара. Один запил, другой куда-то пропал, третий просто залег тут в больницу и говорит, что работать не будет. Я говорю: *«Господи, помоги мне!»* – и вот сегодня пришли устраиваться кочегарами сразу двое мужиков, хотя я и не приглашала никого. Господь всё посылает. Надо только верить...

Один из этих кочегаров – Владимир Валерьевич из соседнего Радченко, научного городка, где находится институт, создающий машины по переработке торфа. Он закончил в свое время Калининский политехнический институт, имеет высшее образование и тридцатилетний стаж работы в этом радченковском научном институте.

Сейчас, по его словам, институт «почти закрыли», всех сотрудников разогнали, и он случайно оказался в Городне.

– А чего вы удивляетесь? – сказал он. – Когда сюда ехали, рыбаков видели? Так это все наши бывшие работники. Там не то что я – кандидаты наук рыбу ловят! А потом на дороге продают. У меня и сестра закончила институт, а сейчас вот продавцом в киоске работает, и то лишь в ночную смену. На большее не тянет.

В больнице есть еще несколько одиноких престарелых жителей Городни. Персонал больницы ухаживает и за ними, делают что могут, стараются облегчить последние дни старикам.

– Я сейчас живу как бы на стыке, – продолжает рассказывать Галина Степановна. – Вижу, как человек рождается и как уходит из жизни. И всякий раз наблюдаю одно и то же. Когда человек находится на смертном одре, он начинает думать и говорить о Боге: *«Почему же раньше я об Этом не знал? Так хочется побольше узнать о Христе, читать книги о Нем, но уже не осталось ни сил, ни времени»*. Почему же у нас, чтобы открылись глаза и душа, обязательно нужна какая-то личная трагедия или приближение смерти?..

Галина Степановна очень благодарна тем жителям Городни, которые, зная, что есть нуждающиеся дети и старики, приносят свои старые вещи. Но и эту помощь она относит на счет Бога.

Спрашиваю у нее:

– Ну, хорошо, Бог вам помогает. Но есть ли то, что мешает?

Отвечает опять с ходу:

– Мне никто не мешает. Я благодарна каждому, кто хочет мешать, потому что он меня этим толкает еще выше. Я всегда отвечаю только добром, как и положено в православии... Однажды приехала по вызову – у нас тут одна молоденькая женщина родила. Лежит в доме одна, без мужа. Ничего нет. Ни во что □ запеленать этого ребенка, ни чем его умыть, ни чем накормить... Сама она ни к чему не приучена. Мы её, конечно, отправили в роддом, привели в порядок, – и что вы думаете? Я еще никому ничего не говорила, а смотрю – приезжает бабушка с большой коробкой и говорит: *«Вот вам вещи для новорожденного, может, найдется для кого»!* А через день, вдруг, соседи принесли детскую кроватку: *«Может, найдется для кого»*. А

ведь я никому не говорила, что у меня есть мать с новорожденным. Я просто просила у Бога: *«Господи! Помоги этой женщине. Ей еще только восемнадцать лет, она нигде не работает, нет мужа, совсем разута, раздета...»* Я просто верю, и вера меня спасает.

Галина Степановна куда-то уходит и через несколько минут возвращается, чтобы показать мне самые дорогие свои реликвии – большую цветную фотографию Иерусалима (вид с Елеонской горы) и карту с обозначением мест, где проходила земная жизнь Христа. Этот дорогой подарок привезла ей матушка из Святой Земли.

– Вот видите, крестиком отмечено? – осторожно показывает мне Галина Степановна. – Здесь находится Храм Гроба Господня. На том самом месте, где Он был распят, на Голгофе.

Я благодарю Галину Степановну за рассказ, но она не спешит прощаться, а зовет меня за собой, ведет «пушкинской тропинкой» мимо

знаменитого колодца и выводит прямо на крутой берег, с которого открывается удивительный вид на уходящую в бесконечность Волгу и на такие же бесконечные леса вдоль её берегов. Слева, как на ладони, видна церковь

Рождества Богородицы. Все это сливается с синим небом и с вышедшим после дождя осенним солнцем.

Село, больница, брошенные дети, несчастные старики – все вмиг куда-то делось. Так прячет наша бескрайняя природа наши бессчетные напасти...

Что же здесь изменилось за последние два века? Вот так же на этот (именно на этот!) волжский утес выходила и о чем-то думала матушка-императрица, здесь размышлял о жизни Радищев, стоял и грустил Александр Сергеевич...

За нами увязался маленький Георгий. Слыша, как я то и дело задаю вопросы про «пушкинскую тропинку», про колодец, про Екатерину, мальчик спрашивает у Галины Степановны: *«А почему дядя такой большой, а совсем ничего не знает?»*

– Я так благодарна Богу, что под старость Он мне послал эту землю, – говорит, прощаясь, Галина Степановна. – Я обрела здесь новых людей, занялась добрым делом. Ведь если мы с батюшкой доведем до ума эти семьи, этих детей – я буду считать, что не зря прожила на свете. Ведь я живу в самом центре России. Городня – это очень древняя земля, она появилась даже раньше княжества московского. Здесь зародыш всей Русской земли. Где же еще жить, как не здесь?

Дорогой читатель, посмотрите, кто у нас в героях дня? Кто мелькает на телеэкранах? О ком пишут газеты и журналы? Кто в первых рядах столичного партера? Видели ли вы там врачей из таких вот сельских больниц? Впрочем, в герои-однодневки они, пожалуй, и не подойдут. Они работают для людей не день, не два, а всю жизнь: детский врач Галина Степановна Гребнева, главный врач Валерий Павлович Зенин, фельдшер Галина Александровна Немчурина, старшая медсестра Галина Александровна Варфоломеева, младшая сестра Нина Ивановна Медведева, зубной врач Вера Сергеевна Тимофеева, акушерка Любовь Яковлевна Грибкова, лаборант Татьяна Николаевна Салиева, дворник и кочегар Геннадий Михайлович Акимов и многие многие другие...

Галина Степановна постоянно благодарит Бога за то, что Он в такой трудный и жестокий для нее период жизни оказался рядом, не забыл ее и послал ей, одинокой и слабой, Городню. А мы можем сказать, что и саму Галину Степановну Бог тоже послал, и не только этому старинному селу.

Недалеко отсюда по пути в Тверь есть еще одно село, со странным для России названием – Эммаус.

«...В тот же день двое из них шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус... И когда они разговаривали и рассуждали между собою, и Сам Иисус приблизившись пошел с ними; Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его... ..И приблизились они к тому селению, в которое шли; и Он показывал им вид, что хочет идти далее. Но они удерживали его, говоря: останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру. И Он вошел и остался с ними. И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его». (Лк.: 24. 13-35)

Вспомнились строки из «Жизни Иисуса» Франсуа Мориака:

«Кому из нас не знаком путь в Эммаус? Кто не шел по этой дороге однажды вечером с сознанием, что все потеряно? Христос умер в нас. Его отняли у нас мир, философы и ученые, наши страсти. Не стало Иисуса для нас на земле. Мы шли по дороге одни, но Кто-то шел рядом. Мы были одни – и в то же время не одни. Наступает вечер. Вот дверь, открытая в полутемную комнату гостиницы, пламя очага, которое освещает лишь земляной пол и шевелит тенями. О преломленный хлеб! О частица хлеба, вкушаемая вопреки такому горю! “Останься с нами, потому что день уже склонился к вечеру!”»

Будете проезжать вечером мимо этого села у самой Твери, притормозите и вспомните одинокого путника, Который преломлял хлеб, и оглянитесь вокруг: нет ли Кого?